

Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской компаративистики / Отв. ред. Т. А. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: С.-Петербургский центр истории идей, 2002. Ч. 1. 262 с.; Ч. 2. 294 с. / Философский век: Альманах. Вып. 19-20

Рассматриваемые два тома представляют собой материалы одноименной конференции и вполне вписываются в серию изданий последнего десятилетия, раскрывающих взаимоотношения и взаимосвязи России с отдельными европейскими странами или их группами (Голландией, Англией, Францией, Германией, Швецией, Италией, Испанией)¹. К достоинствам этих изданий надо отнести то, что их авторы, начав с классических моделей, формулируемых в терминах «влияния», «контактов», «связей»², постепенно перешли к комплексному изучению систем (пока еще, как правило, двусторонних)³. Подобные подходы позволяют исследовать циркуляцию знания (и все связанные с этим явления), независимые и параллельные процессы и другие явления, не форму-

лируемые в рамках концепций «влияния» или «связей». Компаративистские подходы значительно шире этих последних и, обладая определенной самооценностью, одновременно позволяют формировать подходы «сетевоего» характера.

В двух сборниках опубликованы 53 статьи, объединенные в разделы: «Как движутся идеи? Проблемы философской компаративистики», «“Сентиментальные” путешествия британцев и русских», «Переводы и публикации», «Таинственный остров, или Остров сокровищ: культурные коммуникации и личные контакты», «Английские сады, цветущие в России», «Обзоры и стили: проблемы литературных (взаимо)влияний». В первую очередь это статьи философского характера. Однако некоторые из них касаются общих проблем переноса знания или непосредственно затрагивают историю науки, техники, образования. Лишь на последних мы и остановимся.

Zabieglik S. Scottish Philosophy and Vilnius Philosophers (I, с. 20–27). Хорошая фактологическая статья, более широкая, чем ее название (не все персонажи имели отношение к Виленскому университету), однако во вступлении виден отпечаток «постимперского синдрома» (вопрос компаративистики национальных историографий на постсоветском пространстве в свое время поставил Г. Бордюгов)⁴.

¹ Некоторые названия: «Россия и Франция: XVIII—XX века», «Россия и Италия», «Славяне и немцы» и мн. др.

² О живучести терминологии свидетельствует проведение в Париже в Сорбонне 14–15 мая 2003 г. colloquium «L'Influence française en Russie au XVIIIe siècle», где автор рецензии выступал с критикой самого подхода.

³ Одно из первых изданий по «треугольникам» связей: *Transferts culturels triangulaires France—Allemagne—Russie* / Dir. K. Dmitrieva, M. Espagne. Paris: MSH, 1997. К сетевому же подходу, элементами которого являются и «двусторонние» системы, и «треугольники», только еще подбираются. Одна из ранних работ в этих рамках: *Naissance d'une communauté internationale d'ingénieur: Ière moitié du XIXe siècle: Actes des journées d'étude: 15—16 déc. 1994* / Éd. I. Gouzévitch, P. Bret. Paris: CSI CRHST, 1997.

⁴ Бордюгов Г., Бухараев В. Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи. М.: АИРО—XX, 1999; Национальные истории в советском и постсовет-

В отличие от бывших советских республик, Польша вышла из состава империи не 12, а 85 лет назад. И тем не менее синдром сохраняется. Его реанимации способствовали распад социалогерия и возникновение родственного «синдрома старшего брата»⁵. Вопросы возникают со второй фразы, содержащей совершенно фантастический конструкт «the Tsarist Empire» — бессмыслицу типа «герцогского королевства» или «княжеского царства». Смешаны монархии разных рангов. Безусловно, в общем случае империя и форма правления не обуславливают друг друга, но здесь речь идет о совершенно конкретном государстве, которое монархией являлось. И во главе этого государства как единого целого стоял российский император. Кроме того, вроде бы прописная истина, что историк должен ориентироваться в званиях, чинах и титулах, которые являются предметом единой вспомогательной дисциплины. Однако через фразу читаем: «...a Tsarist commissar for the education in the Vilnian District, was Prince Adam Jerzy Czartoryski». Быть «Tsarist commissar» в Виленском учебном округе Чарторижский (Чарторыйский) никак не мог, ибо власть Александра I ни как царя Московского, ни как царя Польского на Литву не распространялась. Он владел этими территориями в качестве Великого князя Литовского и Императора Всероссийского. И Чарторижский мог быть толь-

ко «Imperial commissar» (по-русски вообще-то «попечитель учебного округа»). Не меньшее удивление вызывает и фраза: «...relatively liberal policy of Alexander the First made possible to revive in 1803 the Vilnius University as a Polish school». Если бы это было так, то пришлось бы признать, что в Дерпте Александр I открыл университет как «немецкую школу», в Казани — как «татарскую». Нонсенс. Российская Империя открывала свои университеты — учебные, административные и научные центры — как *российские* высшие школы имперского характера для подготовки государственных служащих, т. е. российского чиновничества, но отнюдь не как национальные школы. Другой вопрос, что, находясь на этнических территориях, включенных в империю, они с неизбежностью испытывали влияние соответствующих национальных культур. Это и произошло с Виленским университетом, причем в такой степени, что менее чем через три десятилетия после своего открытия он едва ли не в полном составе принял участие в польском восстании и в результате был закрыт⁶. Но вот *открывал* Александр I его как школу имперскую.

Микешин М. И. Шотландско-американские философские связи в эпоху Просвещения (I, с. 80–106). Эта статья тематически как бы выпадает из общего контекста сборника, посвященного российско-британским связям. Автор и сам чувствует это, на-

ских государствах / Ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов. М.: АИРО—XX, 1999. См. также: Буховец О. Клино на пороге XXI века: искушение национализмом // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 147—158.

⁵ С проявлением последнего мы сталкивались на международных конференциях, в частности, осенью 1998 г. в Барселоне, где польские историки пытались во всех проблемах польского здравоохранения обвинить Советский Союз и, к своему удивлению, вместо солидарности встретили довольно жесткое неприятие.

⁶ О Виленском университете и о польской школе в империи см. также: *Wasilewski, L.* Wilno et la civilisation polonaise // *Le Monde slave*. 1925. № 9. P. 335–347; *Beauvois, D.* Les écoles polonaises de l'Empire Russe: Aspects du centralisme administratif de l'Université de Vilna: 1803–1831 // *Revue des études slaves*. 1973. T. 49. P. 35–49; *Idem.* Lumières et Société en Europe de l'Est: l'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire Russe: 1803—1832. 2 vol. Paris: Librairie Honoré Champion, 1977.

чиная текст с соответствующей оговорки. Тем не менее перед нами хорошее исследование, выполненное профессионалом, свободно владеющим всем массивом материала. Замечание есть, пожалуй, лишь одно. Из вводных пассажей: «Важная проблема поджидает любого исследователя культурных связей, а именно, проблема определения: что же, собственно, составляет такие связи? Самый простой ответ — миграция людей. Однако такое определение неадекватно, оно описывает “культурный долг”, а не связи. Присутствие иммигрантов ничего не доказывает. Если книга имеется на полке, это не значит, что ее читают». Здесь два уязвимых места. Во-первых, автор почему-то учел перемещение лишь одушевленных носителей информации, в то время как в формировании сети культурных связей играет не меньшую роль и перенос других агентов — от печатной продукции и произведений искусства до промышленных товаров (*de facto* автор эти каналы учитывает). И, во-вторых, в принципе некорректна аналогия иммигранта и одной книги. Ничего не доказывая сама по себе, она выявляет методологическую ошибку: придавая принципиальное значение факту переноса (хотя этого слова в статье нет), автор не делает различий между его агентами. Отдельную книгу можно поставить на полку и о ней забыть. Но этого уже нельзя сказать о группе книг, привезенных в качестве товара, ибо товар с неизбежностью распродается (исключая крайние ситуации), и вряд ли кто-нибудь возьмется утверждать, что среди купивших книгу не найдется никого, кто бы ее прочел. В отличие от книг, которые «есть не просят», иммигранты должны питаться и удовлетворять определенные запросы — от кулинарных пристрастий до отправления культа — это минимум. Даже если эти процессы протекают в узком кругу, все равно создается

некое культурное поле, которое уже в силу своего существования взаимодействует с культурной системой принимающей стороны. Таким образом, в отличие от переноса *одной книги*, сами факты *иммиграции* и переноса *большого количества книг* составляют разнообразные культурные связи. И неадекватность определения, действительно имеющая место, связана с другим — с отсутствием указания на перенос неодушевленных носителей информации как на существенный компонент формирования культурных связей. По счастью, эти проблемы никак не сказались на качестве самого текста.

Киселева М. С. Две судьбы одного изобретения: Роль культурного контекста (II, с. 38–59). Это единственная статья, которую мы должны охарактеризовать в терминологии полного провала. Фундаментальная ошибка заложена в исходной посылке. Автор добросовестно, с большим количеством ошибок и с глубоким непониманием технической сути изобретений, пересказала биографии Ползунова и Уатта. Но именно из-за этого непонимания все культурологические построения получают исключительно умозрительный, спекулятивный характер.

Во-первых, автор путает понятия «изобретение» и «открытие» (с. 40, 56), силовым путем переводя достижения Ползунова на принципиально иной уровень. Ни о каких открытиях речи, конечно, идти не может. Далее, из контекста на с. 41 следует, что автор смешивает понятия *казна* (в отношении *горных заводов, взятых в казну*) и *собственность царской фамилии*. В XVIII в. императрицы действительно часто запускали руки в казну, но их собственностью она не являлась даже тогда. Казной заведовали *Дворцовая канцелярия, Придворная контора и Канцелярия строений*, а казенными заводами — *Берг-коллегия*. Пассаж на с. 41–42 можно считать за новое открытие: говоря о 1757 г., когда Уатт

поселился в Глазго, автор характеризует этот период как «разгар промышленного переворота». На с. 42–44 автор никак не может выбраться из тупика вопроса о связи «науки и технических изобретений эпохи промышленного переворота», рассматривая его исключительно в рамках антитезы «связь есть — связи нет» и приводя многословные построения, призванные доказать, что наука в Англии XVIII в. была. Автор ломится в открытую дверь, ибо и построения эти уже были выполнены Дж. Берналом⁷, и антитеза сия уже получила разрешение в работах сектора истории и теории технических наук С.-Петербургского филиала ИИЕТ РАН⁸. Речь идет о разных областях научного знания, обозначаемых одним термином *наука*. То знание, которое развивалось в Англии, относилось к экспериментальному научному (научно-техническому) знанию и имело непосредственное отношение к изобретательству. А то, которое было очень слабо связано с изобретениями, имело отношение к теоретическому научно-техническому знанию. В отношении последнего Англия XVIII в. была настоящей пустыней. У автора также странные представления об истории патентного дела в России. Она пишет: «В условиях государственной капитализации России в охране авторского права не нуждались... Авторское право и патент вводятся только при Александре I, в отличие от Англии, где первый патент был выдан в 1624 г.» (с. 49). Начнем с того, что в Московии привилегии (русский синоним патента) в области торговли были известны уже в XVI в., в области промышленности (на заведение заводов) — с XVII в., в области транс-

порта (гидросооружения) — с начала XVIII в. Первая привилегия на изобретение была выдана 13 декабря 1749 г.⁹, — т. е. задолго до изобретений Ползунова. Что касается Александра I, то его «Манифест о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» от 17 декабря 1812 г. лишь привел в систему и упорядочил уже известные юридические механизмы. И хотя в Англии закон об изобретениях появился действительно рано — в 1623 г., в других странах это произошло в сроки, более сопоставимые с Россией: в США — в 1787 г., во Франции — в 1791 г. И, наконец, французского геолога, профессора Музея естественной истории в Париже, которого автор упоминает несколько раз (с. 54–56), все-таки не стоит по-русски называть с английским прононсом — «Фоджас де Санкт-Фонд». На своем родном языке он пишется «Faujas de Saint-Fond», что читается как «Фожа де Сен-Фон».

Ну а теперь обратимся к ключевой проблеме и постараемся ниже показать следующее: 1) то, что сделали Ползунов и Уатт, никак нельзя причислить к «одному изобретению»; 2) изобретение Ползунова не является «универсальным двигателем» (УД), а представляет собой лишь серьезное улучшение ньюкоменовской машины — тупиковой ветви в развитии теплотехники; 3) машина Уатта, которую красочно описывает автор, также не являлась УД. Это так называемая «машина простого действия» (впервые построенная в 1774 г.), способная работать лишь в качестве насоса, как и машины Ньюкомена, в том числе и ползуновская, но только раза в два экономичнее. Это обеспечило ей успех на шахтах Корнуолла, о чем пишет автор, считая, что Уатт с 1776 г. внедрил УД.

⁷ Bernal, J. D. *Science in History*. London, 1954. Рус. пер.: *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956.

⁸ См., например: *Очерки истории технических наук*. В 4 ч. СПб.; Paris, 1995–2001.

⁹ Мастерам Суханову и Беляеву на использование изобретенных ими способов изготовления краски.

При пользовании понятиями надо представлять их первоисточники. А посему обратимся к тексту «Капитала», где понятие УД появилось впервые: «Только с изобретением второй машины Уатта, так называемой паровой машины двойного действия, был найден первичный двигатель... который подвижен и сам является средством передвижения... универсальный по своему техническому применению... Великий гений Уатта обнаруживается в том, что в патенте, который он получил в апреле 1784 г., его паровая машина представлена не как изобретение лишь для особых целей, но как универсальный двигатель крупной промышленности»¹⁰. Из этого постоянно цитируемого пассажа ясно, что понятие «универсальный двигатель» Маркс применяет лишь к машине 1784 г. И он абсолютно прав. Чтобы создать УД, Уатту потребовалась целая серия изобретений, на которые в 1769–1784 гг. были взяты 4 патента. Значение машины простого действия с ее закрытым цилиндром и конденсатором — не универсальность, а смена теплотехнического цикла — отказ от тупиковой ветви пароатмосферных двигателей Ньюкомена. Парадокс: важнейшее понятие УД, от которого «пляшет» вся марксистская теория промышленной революции, так и не вышло на терминологический уровень, ибо отсутствует в словарной части всех изданий «Большой Советской Энциклопедии». Такое случайностью не бывает. Ключик дает статья «Двигатель» во 2-м издании, где читаем утверждение, родившееся в конце 1940-х гг.: «Первый проект универсального парового Д. был разработан И. И. Ползуновым (см.) в 1763», почти дословно повторенное и в 3-м издании¹¹. Но ведь если детально разрабо-

тать это понятие, то станет очевидно, что к УД машина Ползунова отношения не имеет. Ползунов действительно декларировал свое желание «сложением огненной машины водяное руководство пресечь», вот только не знал, как это сделать, и его мечтания, изложенные на бумаге, проектом еще не являются. Но в угоду русскому приоритету термин «закрыли», ибо пока понятие остается с размытыми границами, на уровне «это все и так знают», подлог оказывается незамеченным и остается по-прежнему таковым, хотя еще в 1961 г. С. В. Шухардин, ведущий советский теоретик истории техники, писал, что принцип, на котором была основана машина Ползунова, «не давал возможности превратить ее в универсальный двигатель»¹².

Так что же такое УД? Это двигатель, который в состоянии приводить в движение любой исполнительный механизм. Он должен иметь непрерывное действие, повторять движения с большой частотой, быть довольно компактным для установки на транспортном средстве и обладать экономичностью, достаточной для его внедрения; необходим передаточный механизм, превращающий возвратно-поступательное движение во вращательное. При отсутствии любого из этих условий двигатель либо не будет универсальным, либо не сможет лечь в основу переворота. Машина Уатта 1784 г. отвечала им всем, машина Ползунова — лишь одному (непрерывность действия). История повторила эксперимент: *двухцилиндровую пароатмосферную машину непрерывного действия* дважды изобретали во Франции: в 1769–1770 гг. Н. Ж. Кюньо — для паровой повозки и в 1774 г. Ж. Б. д'Оксирон — для парового суд-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., 1960. С. 388—389.

¹¹ Двигатель // БСЭ. 2-е изд. Т. 13. М.:

БСЭ, 1952. С. 419; Двигатель // БСЭ. 3-е изд. Т. 7. М.: СЭ, 1972. С. 574.

¹² Шухардин С. В. Основы истории техники. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 152.

на. Опыты над судном продолжили Ж. К. Перье (1775) и Ж. д'Аббан (1778, 1783). И все без последствий. Таким образом, революция на основе двигателя Ползунова невозможна в принципе в силу его технико-экономических показателей.

Лабутина Т. Л. Влияние английской культуры в России в век Просвещения (II, с. 60–67). Статья как будто склеена из двух кусков от разных произведений. Второй (с. 65–67), касающийся послепетровской эпохи, представляет из себя вполне нормальный устный текст обзорного доклада — ничего особо нового, разве что легкий анахронизм на полтора столетия (либо гибрид из двух организаций): в XVIII в. не существовало учреждения под названием *Российская академия наук*, но были: *Петербургская академия наук* и *Российская академия*. *Российская же академия наук* просуществовала с мая 1917 по июль 1925 гг., с тем, чтобы воскреснуть уже в наше время. А вот первая часть доклада к научному жанру имеет отношение слабое, и скорее должна была бы найти себе место в разделах публицистики какой-нибудь крайней прессы. Возражения возникают на всех уровнях, начиная с мелочей: традиционный Фарварсон стал *Фаркерсоном*, что не соответствует ни одному известному латинскому написанию (Farquharson, Farwharson, Fargwarson, Farkeson); первая географическая карта России была издана в Англии не в 1708 г., а в 1562 г. (карта Э. Дженкинсона). А вот более серьезные претензии. «Масонские» пассажи восходят к сочинению Л. Анисова¹³ — художественному произведению, близкому к «фольк-истории», которое в серьезных работах может цитироваться

исключительно в качестве объекта исследования. Прежде чем утверждать, говоря о Великом посольстве (1697–1698), что Петр к масонству «относился весьма благосклонно и даже сам вступил в ложу», автору стоило бы выяснить, что учреждение «спекулятивного» масонства, т. е. масонства в современном понимании этого слова, относится лишь к 1717 г., когда 24 июня объединились 4 разрозненные лондонские организации и создали Grand Lodge, а до этого можно говорить лишь о различных протомасонских формах объединений или о более широкой герметической традиции¹⁴. В словаре А. Серкова¹⁵ — наиболее полном своде по этой теме — не случайно отсутствуют Петр, Лефорт, Гордон, Брюс, а в словаре Т. А. Бакуниной¹⁶ — стоят под вопросом, ибо не известно никаких реальных документов, подтверждающих факт их причастности к масонству. Дж. Ридли, исследовавший этот вопрос, считает теоретически возможным принятие Петра в одну из ранних протомасонских лож¹⁷, возникших в Лондоне после 1688 г. Но и из его текста следует, что реальных документов нет. Ридли увязывает появление самой идеи с борьбой за сохранение масонства в России в начале XIX в.¹⁸

¹⁴ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II / Под ред. М. В. Рейзина, А. И. Серкова. СПб., 1999. С. 29–32, 340–341; Пытин А. Масонство в России: XVIII и первая четверть XIX вв. М., 1997. С. 82–83.

¹⁵ Серков А. И. Русское масонство: 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001.

¹⁶ Bakounine, T. Répertoire biographique des francs-maçons russes: XVIIIe et XIXe siècles. Paris, 1967.

¹⁷ Т. н. «оперативное» масонство; этим термином затушевывается его суть средневекового цеха каменщиков.

¹⁸ Ridley, J. The Freemasons. London: Robinson, 1999. P. 132.

¹³ Анисов Л. Восшествие на престол: борьба латинских иезуитов и протестантов за Московский православный престол. М.: Паломник, 2000.

Не менее фантастично утверждение о наличии в Москве «Печатного двора с ежегодной продукцией в 450 тыс. книг» (с. 64). За весь XVII в. в Москве было издано 483 (485?) книг, т. е. 4,85 наименований в год. Нормальный завод (тираж) одной книги равнялся 1200 экз. (или меньше), удвоенный — 2400 экз. Таким образом, даже если учесть, что азбуки и святцы иногда издавались заводами, увеличенными в 4, 8 и 12 раз, все равно общий тираж книг и в самые благоприятные годы не мог превышать 20 тыс. экз., а в среднем колебался около 7–8 тыс., учитывая, что в отдельные годы не выходило ни одной (!) книги. Другими словами, названная цифра превышает реальные в 20–60 раз. На этом фоне приращение первой и единственной за весь XVII в. театральной труппе, действовавшей в 1672–1676 гг. при дворе Алексея Михайловича и руководимой иноземцем И. Грегори, статуса «национального театра» России выглядит милым преувеличением.

Если все общество, как это следует из статьи, было против петровских реформ, почему они состоялись? Почему Петра не смели? В такой ситуации никакие иностранцы его бы не спасли. О том, что реформы поддерживали очень серьезные общественные силы, говорит тот факт, что откат назад оказался невозможен и после смерти Петра.

Если же говорить о методологических проблемах, то сам факт этической оценки тех либо иных исторических событий и процессов (начиная с уровня «положительно—отрицательно», «плохо—хорошо») таит в себе потенциальную возможность ангажировки и выводит текст за академические, а иногда и вообще за научные рамки. Что и произошло в данном случае. Несмотря на это, значительная часть доклада Лабутиной с перечисленными дефектами вошла в ее статью, кото-

рую опубликовали «Вопросы истории»¹⁹.

Савельева Е. А. Русско-английские книжные связи петровского времени (II, с. 119–132). Это второй после доклада Лабутиной текст, посвященный Великому посольству, и, в отличие от первого, он представляет собой серьезную научную работу, которую не портят даже мелкие неточности. Так, в 1553 г. англичане прибыть к «Архангельскому городу» никак не могли, ибо город возник лишь в 1584 г. и назывался Новые Холмогоры. А в 1553 г. там существовал Архангельский монастырь. Пребывание Петра в Англии ограничивалось не «февралем—апрелем» 1698 г., а «январем—апрелем» по старому стилю или «январем—маем» по новому. Решение о привилегии Яну Тессингу на печатание русских книг было принято не по возвращении, а еще в Амстердаме; из Московии же была выслана лишь жалованная грамота. Ну и заметим, что 14-пушечные корабли фрегатами не являются.

Мы дали комментарии лишь к некоторым из работ. Далеко не все, содержащееся в двух сборниках, равноценно, но (за исключением уже разобранных статей М. Киселевой и Т. Лабутиной) основной их массив состоит из очень добротных текстов различной степени академичности, и в этом ценность обоих выпусков. Из них по виртуозности анализа необходимо выделить статью М. Сафонова («Княгиня Е. Р. Дашкова и мисс Марта Вильмот», II, с. 155–169) и по детальности проработки — И. Ландера («Английские иллюстрированные издания XVIII века в частных российских собраниях», II, с. 83–104). Но сборник больше, чем

¹⁹ *Лабутина Т.* Восприятие английской культуры в России в эпоху Петра I // *Вопросы истории.* 2002. № 9. С. 17–36. Ссылка на повесть Анисова (представленную в виде «новейшего исследования») дана именно здесь.

простая сумма статей. Тем более что это не изолированные издания, а очередные номера альманаха «Философский век». Во-первых, отдадим должное настойчивости и оперативности составителей: им удалось собрать тексты заранее и почти за месяц (15 мая 2002 г.) до начала конференции (6–8 июня 2002 г.) уже подписать сборники в печать. Конечно, приятно иметь к началу встречи вышедшие из типографии книжки. Однако предварительно опубликованные материалы — это определенный тип научного издания со своими серьезными достоинствами (оперативность, свежесть подачи, авторская свобода, возможность публикации для всех участников конференции, менее жесткие требования к сбалансированности разделов) и еще более серьезными недостатками (отсутствие рецензирования и, как результат, публикация откровенно слабых работ; отсутствие времени на гармонизацию текстов и, как следствие, их неровность; отсутствие редактирования). Это данность. И все дефекты в обоих сборниках — ее следствие²⁰. Однако в рассматриваемом случае перед нами не изолированный препринт, а очеред-

ные номера издания, претендующего на международный уровень. Поместив предварительные материалы конференции в альманах, издатели сразу поставили себя в двойственное положение, ибо за качество статей в первом типе издания они ответственности не несут, но про альманах этого уже не скажешь. Здесь иные требования. Для их выполнения существует несколько возможностей. Например, публикация препринтом тезисов или предварительных материалов исключительно для участников конференции²¹. А вот типографскому тиснению тексты (причем, не все) предаются уже после конференции, когда есть возможность их отрецензировать, гармонизировать, обеспечить наличие иноязычных резюме, индексов имен и т. п.

Остается пожелать составителям подумать над приоритетами, заменив, быть может, оперативность качеством и тщательностью отделки. Альманах «Философский век» уже достаточно известен и заслуживает того, чтобы превратиться в издание академического научного уровня.

Д. Ю. Гусевич

²⁰ Например, часть опубликованных текстов — чистые доклады, подготовленные для зачитывания вслух, а часть — статьи академического типа с примечаниями, источниками и аннотациями.

²¹ Например: Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России: Мат-лы Междунар. науч. коллоквиум.: Саратов, 2–6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. Сборник тоже «гнали» к началу встречи (подп. в печать 27.8.2001). А сейчас готовится фундаментальное издание.

Абелев Г. И. 50 лет в иммунохимии опухолей. М.: РОНЦ им. Н. Н. Блохина, 2001. 191 с.

Тема этой книги, аннотированной как предыстория и история лаборатории иммунохимии опухолей Российского онкологического научного центра им. Н. Н. Блохина РАМН, в действительности шире; книга представляет собой историю становления в стране новой области биомедицинских исследований — онкоиммуноло-

гии, одним из создателей которой (наряду с Л. А. Зильбером) был Г. И. Абелев. Она компактна, в ней нет ничего лишнего, и вместе с тем в ней ясно изложен ход поиска, выявлена логика исследования и в целом дано представление о том, как реально делается наука. Представление, полученное «из первых рук» — от автора.